

Ольга Покровская
Змеиная кожа

Повесть

Ольга Покровская
Змеиная кожа. Повесть

«Издательские решения»

Покровская О. В.

Змеиная кожа. Повесть / О. В. Покровская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858500-5

Трагическое происшествие заставляет главную героиню снова и снова начинать жизнь с начала. Но для того, чтобы вернуться к себе, ей придется совершить нечто страшное.

ISBN 978-5-44-858500-5

© Покровская О. В.
© Издательские решения

Содержание

1. Григорий	6
2. Николай	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Змеиная кожа

Повесть

Ольга Владимировна Покровская

© Ольга Владимировна Покровская, 2017

ISBN 978-5-4485-8500-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Григорий

В московской квартире профессора Федотова перед свадьбой старшей дочери Аллы, августовским вечером, царил подавленность. Родители знали, что интеллигентным людям положено радоваться, растягивали губы, но улыбки получались грустные, радость выходила неубедительно, и все избегали смотреть друг другу в глаза, потому что ощущали неправильность: жених Руслан не подходил Алле и не подходил семье. Он был иногородний – следовательно, возникали подозрения, что его отношения с Аллой замешаны на стремлении получить столичную прописку, с непонятной родней, не приехавшей на свадьбу, непонятным образованием, нагловатыми манерами, диссонирующими с теми, что были приняты в их круге общения, и просто какой-то физиологической чуждостью. Образование тоже вызывало подозрение – папа, Александр Михайлович, считал, что на экономические факультеты поступают тупицы и неудачники. Бабушка, Мария Ефимовна, молча готовила угощение, чтобы родня перекусила после регистрации. Александр Михайлович делал вид, что читает статью в научном журнале, но вряд ли понимал, о чем в ней говорится, потому что подолгу изучал каждую страницу и, спохватившись, возвращался к предыдущей. Мама, Юлия Андреевна, говорила по телефону с лучшей подругой, Натэллой Юрьевной, обсуждая заведомые пустяки: что невозможно ничего достать, что у нее в запасе два комплекта индийского белья, что пить шампанское в загсе – это дурной тон, и тому подобное. Возможно, Юлия Андреевна надеялась, что Натэлла Юрьевна расскажет про Руслана что-нибудь, что развеяло бы семейную тревогу – все-таки его привел в дом ее приемный сын Илья, – но Натэлла Юрьевна ограничивалась хозяйственными советами, и оттого у Юлии Андреевны становилось тяжелее на душе. Красавица Алла пребывала в сладкой прострации и любовалась приготовленным для нее кружевным гэдээровским пенюаром, а ее младшая сестра Надя, скучая над книжкой, мечтала о порядке вещей, когда бы многочисленные поклонники передавались по эстафете. Она считала, что раз она донашивает Аллины платья и Аллины майки с вышитой внутри ворота фамилией, то честно заслужила наследование безутешных воздыхателей. Хотя бы не всех, Наде хватило бы пары-другой. Можно было ограничиться одним – Гришей, который нравился Наде больше остальных.

Раздался резкий, истерический звонок в дверь, и обитатели квартиры вздрогнули, словно сбывалось плохое предчувствие.

– Это Коля! – догадалась Юлия Андреевна, встрепенулась и бросилась к двери, а у остальных домочадцев отлегло от сердца. Коля в части науки был среди аспирантов самым перспективным, а в части влюбленных – самым безнадежным. Ждали, что он привезет продуктовый свадебный заказ.

Алла не пошевелилась, а Надя выглянула в коридор, хотя Коля в ее наследственных планах не присутствовал. Он был слишком мягок, нелеп и патологически несчастлив во всех начинаниях.

Выйдя в коридор, Надя обнаружила, что Мария Ефимовна, согнувшись, волочет сумку, а Юлия Андреевна утешает едва не плачущего Колю, у которого дрожали руки – то ли от тяжести груза, то ли от душевного волнения.

– Как ты дотащил, милый! – ахала Юлия Андреевна.

– Держите, – Коля махнул рукой. – Хотел продать... все! По спекулятивной цене!

Наде показалось, что Коля не совсем трезв. В обычное время это сочли бы оскорбительным, но сейчас Юлия Андреевна сознавала исключительность момента и делала вид, что не замечает.

– Боже мой, зачем? – удивилась она.

– Все, подчистую! – настаивал Коля. – Думаете, икру не купят? Колбасу?

– Ну-ну, не говори. Тебя задержат, еще не хватало.

– А пускай. И курицу... и ветчину... и зеленый горошек, – он трагически повесил голову. – Может, свадьба не состоится тогда. И Алла передумает...

– Господи, бедный мальчик, – ахнула Юлия Андреевна. – Пойдем, пойдем... – Она повела его в кухню. Надиного присутствия Коля не заметил, как обычно.

Александр Михайлович не вышел – не стал смущать ученика тем, что видит его в неподобающем состоянии.

Надя вернулась к сестре и флегматично доложила:

– Коля пришел.

– Ага, – бросила Алла.

– Не поздороваешься? Он, бедный, притащил килограммов двадцать... для тебя старался.

– Не для меня, – Алла пожала плечами. – Он только и делает, что для кого-нибудь старается. Он из подражания своему любимому Родиону Константиновичу скоро из шкуры вылезет.

Родион Константинович, супруг Натэллы Юрьевны, преподавал на одной кафедре с Александром Михайловичем и являлся лучшим другом дома. У него была репутация альтруиста и человека с активной жизненной позицией, раздражающей эгоистичную и склонную к лени Аллу.

– Он приглашение в свадебный салон чуть не утащил, – хмыкнула она. – Будто на платье свет клином сошелся... Странные люди...

Страхнув оцепенение, она плавно повела плечом, наклонила голову, матово блеснула в прядях каштановых волос ее жемчужная сережка, а Надя завистливо вздохнула, дивясь гармонии сестриного облика: Алла в любой момент выглядела красиво и соразмерно, словно долго готовилась и принимала позу. Надя перебрала в уме армию Аллиных поклонников с выдающимися способностями и решила, что, наверное, Руслан отличается особенными качествами, которые не разглядели ни она, ни родители.

Когда Колю проводили, она отправилась в комнату, окна которой выходили во двор, и наблюдала за полускрытой в зелени детской площадкой. Кто-то сидел на скамейке, сгорбившись, и Наде почудился в нелепой фигуре Гриша. Она изучала сидящего, потом решила, что утаит его визит от невесты. Открыв окно, она помахала рукой, но сидящий угрюмо разглядывал носки ботинок и призыва не замечал.

Тогда она вернулась в комнату, где Алла изучала содержимое палехской шкатулки, взяла флакон с мыльным раствором и, примостившись у окна, принялась пускать в Гришину сторону радужные пузыри.

Она удивилась, до чего печально плыли, осыпаясь, прозрачные лепестки на фоне двора и скорбного страдальца, но от Гришиного внимания они ускользали. В большой комнате раздалась позывные новостей.

– Почему сквозняк? – крикнул Александр Михайлович раздраженно. – Где окно?... И выключите, выключите, ради бога, телевизор! Этот болтун осточертел... и лезет на экран, и лезет... когда он наговорится, в конце концов!

Надя закрыла окно.

– Ты куда? – тревожно спросила Юлия Андреевна, поймав ее у двери.

– Я сейчас... – объяснила Надя уклончиво. – В окно выронила...

Через несколько минут она возникла перед Гришей, который не изобразил ни радости, ни оживления, только сдержанно пошевелился, поднял косматую голову и протянул:

– Ну что, селедка... как дела?

– Нормально, – ответила Надя, отвергая издевательское прозвище. – Только я не селедка.

– А у меня хреново, селедка. Что у вас – радостное оживление? Невеста в предвкушении?

– К нам ночью кто-то ломился, – поведала Надя. – Страшно так. Мы думали, дверь ломают.

Гриша не заинтересовался.

– Что ж, случается. В милицию звонили?

– Не-ет... что толку? Куда милиция поедет среди ночи?

– Да-да... – Гриша задумчиво покивал. – Моя милиция меня бережет. Что ж они, в самом деле дураки – среди ночи кататься?

Надя присела рядом.

– Ты лохматый, – сказала она, доставая расческу. – Я тебя причешу.

– Ох, селедка, – Гриша равнодушно подчинился ее парикмахерскому вмешательству. – Думаешь, поможет? Не поможет...

– Надо следить за собой, – сказала Надя, которой сделалось тепло, и даже ладони вспотели от волнующего прикосновения к Гришиной шевелюре. – Будешь красивый... ухоженный...

– Оставь, селедка. Не те данные.

– В смысле?

– В смысле, у меня не волосы, а сено. Вот у сестры твоей... – Он вздохнул. – Как мед. Помню, как-то летом... волосы по плечам распущены... душистые... м-да.

– Обычные волосы, – сказала Надя строго. – У нас одинаковые.

Гриша изобразил унылый скепсис.

– Нет, селедка. Не хочу обижать, но ты необъективна. В зеркало чаще смотри. У тебя, – он поднял глаза, нахмурил брови, не встречаясь взглядом с Надей, и вынес вердикт: – У тебя глина какая-то на голове, уж извини.

Надя сделала усилие и не обиделась. Она знала, что ее внешность теряется на фоне Аллиного совершенства.

– Послушай, – произнесла она, запинаясь. – А может... мы с тобой поженимся?

Гриша уставился таким непонимающим вздором, что она осеклась.

– Зачем?

– В смысле, заявление подадим, – оправдывалась Надя, увидев, что вопрос пришелся не к месту. – Нам приглашение дадут.

– Зачем?

– Я туфли куплю...

Гриша уяснил смысл сказанного – в меру понимания.

– Ох, селедка, – пробормотал он. – Опять эти гримасы развитого социализма. Найди другого кого-нибудь. Я, знаешь ли, не люблю профанаций. Должно что-то быть святое, что ли...

Он отстранился, и Наде почудилось нечто брезгливое, словно ему были неприятны ее прикосновения.

– Оставь, волосы повыдергаешь. Буду лысым ходить.

Он бросил печальный взгляд на окно и поднялся.

– Пойду я, селедка. Пока ваше семейство за тобой не сбежалось...

И он направился к арке, сутулясь и не оглядываясь на Надю, которая приняла во внимание все соображения, но не отделалась от недоумения и чувства обиды: Грише следовало проявить деликатность и не демонстрировать, что она для него пустое место.

На другое утро в загсе была регистрация, и Надя, наблюдая за обрядом, изучала Руслана и проникалась родственными чувствами, но мешали его непривычная внешность и впечатление, что они с Аллой не смотрятся как пара. Если Алла походила на фарфоровую статуэтку, то Руслан вызывал ассоциации с мясной лавкой: он был коренастый, приземистый, с вывернутыми красными губами, и его массивное лицо при любом волнении или мускульном усилии делалось багровым. Из загса молодой муж уехал за вещами в общежитие, а новобрачная, родственники и гости переместились в федотовскую квартиру на Щукинской, а к вечеру в кафе, где ожидалось основное торжество. Руслан задерживался, но, казалось что собравши-

еся про него позабыли и его присутствие не нужно – тем более что Мария Ефимовна накормила всех обедом, и рвавшихся к столу не было. Присутствовали знакомые и друзья, была троюродная сестра Юлии Андреевны из Одинцово, с которой редко поддерживались отношения, – грузная женщина, затаенная в цветастое кримпленовое платье. Были однокурсники Александра Михайловича, от которых прятали выпивку, множество Аллиных подруг – на редкость некрасивых и неприметных, точно Алла выбирала по контрасту. Пахло духами, водкой и кухней, грохотала, хрипя и дребезжа, музыка из динамиков. Новобрачная щебетала, окруженная поздравителями, так что Надя осталась одна и слонялась по холлу, оклеенному сантехническим кафелем, когда на нее наткнулся Гриша. Он был навеселе и смотрелся в парадном костюме неестественно.

– А, селедка! – окликнул он Надю, хотя она держалась в отдалении. – Ну что? Нашла, с кем подать заявление?

Надя нахмурилась. Ей показалось, что Гриша сказал это нарочно, чтобы услышал находящийся рядом Илья, а Илью она не любила. Он казался ей высокомерным, потому что Илья не обращал внимания не только на Надю – это было явлением привычным, – но и Аллой не интересовался вовсе. Вообще, Надя считала его похожим на семинариста, как она себе их представляла, или сектанта. Ассоциации вызывала прическа Ильи – крылья прилизанных длинных волос, разделенных прямым пробором, из которых выглядывал тонкий, как лезвие, нос.

– Хочет человек туфли купить, для этого надо заявление подавать, – объяснил Гриша Илье. – Наш народ чего не придумает... голь на выдумки хитра.

Илья передернул плечами, словно речь шла о порядках в дикарском племени.

– Что ж... каждый решает вопросы, как может.

– Знаешь, – Гриша потыкал пальцем в Надину сторону, продолжая неприятный диалог. – Поддай с Колькой, он не откажется. Коля!.. – он огляделся по сторонам, а Илья состроил холодную гримасу.

– Отстань, что пристал к человеку?

Но Коля, взъерошенный, с несчастным выражением, которое не сходило с его лица весь день, поспешил на зов.

– Что, что такое? – спросил он убито.

– Поддай с Надькой заявление в загс, ей надо.

Коля вытаращил глаза.

– В загс... с Надей... почему? – он не справлялся с установкой логических связей.

Гриша замигал – думая, что получается игриво.

– Надо человеку помочь. Женщинам не задают таких вопросов.

Коля растерялся и развел руками.

– Если надо... если помочь... пожалуйста.

Надя возмутилась.

– Я найду, с кем подать заявление, и без тебя! – выпалила она, отворачиваясь, но Гриша не смутился, и только Коля еще больше растерялся.

– Если надо... – повторил он, и Наде стало жалко его.

– Как твоя диссертация? – спросила она.

– Так, – ему не хотелось распространяться на тему, и он вернулся к предыдущей: – Надь, если надо, говори... – И добавил, непонятно к чему: – Знаешь, Родион Константинович одного человека в больницу устраивал, операция была нужна. Все пороги оббил – столько инстанций надо пройти...

Он с благоговением покосился на Родиона Константиновича, который эффектно стоял, выпятив грудь в рубашке с полосками, чуть наклонив голову с зачесанной назад белоснежной прядью волос, и слушал спор между Александром Михайловичем и коллегой – разго-

вор, кажется, шел о Киргизии, о Ферганской долине и об Оше. Наде захотелось едко добавить, что все несчастные, которым оказывал благодеяния Родион Константинович, становились верными и преданными его рабами, а если кому-то помогал Коля, то ему садились на шею и вели себя по-свински. Но потом решила, что это несправедливо. Она подошла к спорящим в момент, когда Александр Михайлович говорил:

– ...это их разборки, русских не трогают, русские на базаре не торгуют.

Надя прислушалась, ей нравилось, когда что-нибудь где-нибудь происходило – тем более занимательное. Но коллега отошел, и Родион Константинович поведал Александру Михайловичу доверительно:

– Мы Илюшкиных родителей все-таки разыскали. Вернее, мать. Где отец, кто он – непонятно. Может, сама не знает.

– А надо ли? – засомневался Александр Михайлович. Он считал странной ситуацию, когда от Ильи, который был усыновлен в младенчестве, не скрывали, что он приемный.

– Должен знать родителей, – уверенно пробасил Родион Константинович. – Он ездил к матери на той неделе. В Электростали живет, продавщица. Не пустила... даже разговаривать не захотела.

– Это же травма! – воскликнул Александр Михайлович.

– Это наша обязанность. Мы выполнили. И он выполнил...

Приблизилась Натэлла Юрьевна и, ломая руки, глядя на Аллу, проговорила.

– Ах, как хороша! Королева... Что, Сашка, жалко отдавать?

– Мы же не в люди отдаем... – возразил Александр Михайлович, не скрывая огорчения.

– Великолепна! Кинозвезда!...

На Надю Натэлла Юрьевна, как обычно, не посмотрела. Она и раньше считала, что Надя не стоит уважения, а когда та поступила в библиотечный институт, стала откровенно презирать, потому что, по ее мнению, библиотекарями работали идиотки, не способные ни к чему, кроме заполнения формуляров и переноски книжных стопок. В отличие от Аллы, которая училась в престижном архитектурном, – к архитекторам Натэлла Юрьевна испытывала пиетет. Сама она была врачом – как говорили, хорошим, но Надя у нее не лечилась, хотя советами Натэллы Юрьевны пользовалась вся семья. Тем временем у двери возникло движение, и Юлия Андреевна, встревоженная и испуганная, замахала мужу рукой. Александр Михайлович направился к ней, и Надя потянулась следом.

В небольшой комнатке администратора Юлия Андреевна указала на телефон и тихо проговорила, почти прошептала:

– Звонят, Руслан в милицию попал...

Александр Михайлович взял трубку, а Юлия Андреевна пролепетала, обращаясь к младшей дочери:

– Господи, что ж такое?

Александр Михайлович выслушал, вставил несколько реплик, повесил трубку и сказал, пряча глаза:

– Ерунда какая. Надо идти в милицию. Выручать.

– Возьми Надю, – встрепелась Юлия Андреевна. – На всякий случай. Мало ли...

Она всегда говорила о Наде в третьем лице – само разумелось, что дочь прислушается и все выполнит.

– Садитесь за стол! – Александр Михайлович махнул рукой в сторону зала, где бухающая музыка обернулась неуместной. – Не ждите! И не говори ничего...

Потом Надя почти бежала по темной улице, едва успевая на каблуках за Александром Михайловичем, стараясь не попасть в лужу, и спрашивала, запыхавшись:

– Что случилось? Почему?

– Ерунда, – отрывисто отвечал Александр Михайлович. – Ерунда... Вот же... происшествие...

Надя видела, что ему неприятно, ей тоже было неприятно и страшно. Она сообразила, что, если бы Руслана забрали в милицию до регистрации, и даже арестовали, и посадили в тюрьму – она бы вздохнула с облегчением, но теперь он был мужем Аллы, и так просто от него не отделаться. Они долго ехали в автобусе, пассажиры оборачивались на их праздничные наряды, улыбались, и никому не приходило в голову, что у них неприятности. Отделение милиции стояло за вереницей гаражей, накрытое сверху кронами деревьев, дверь была распахнута, и свет уютно освещал крыльцо, и в сочетании идилической картины с Надиным душевным дискомфортом было что-то зловещее. Они вошли в безлюдный коридор с масляной краской на стенах и пучками проводки. Александр Михайлович приосанился, поправил галстук и приготовился говорить с властями.

– Товарищ майор, – обратился он в зарешеченное окошечко.

Надя, съезжившись, обняв себя за плечи, отошла в сторону. До нее долетали обрывки фраз «понимаете...» «свадьба сегодня...» «случайность...» «гости ждут...». В окошечке что-то произошло, и Александр Михайлович отступил.

– Откуда ты знаешь, что он майор? – спросила Надя.

– Как – откуда? – не понял Александр Михайлович. – По погонам.

– Ты различаешь погоны?

– Конечно, – Александр Михайлович развел руками. – Это естественно. Я же мужчина... и потом, у меня была военная кафедра... и сборы.

– А я не умею.

– Тебе и не надо. Не забивай голову.

Открылась боковая дверь, и Александра Михайловича кто-то неприветливо пригласил:

– Войдите.

Надя осталась в коридоре одна. Скользя спиной по стене, она опустилась на корточки и обнаружила, что устала за хлопотливый день и что семейная жизнь Аллы начинается невесело. Выскочил молодой парень, замер от неожиданности и уставился на нее. Надя поднялась так же медленно и вернулась в стоячее положение. Милиционер смотрел на нее молча. У него были свежие щеки, простодушные чуть раскосые глаза и соломенный чуб, падающий на лоб. Наконец он обрел дар речи.

– Девушка! Вы к кому?

Надя задвигала руками и бессвязно заговорила:

– Мы с папой... тут муж сестры где-то... – Она обнаружила, что не знает, как правильно называется муж сестры. – Он по ошибке... свадьба сегодня...

Милиционер выслушал ее блеяние внимательно, насупись, пробежал в конец коридора и исчез. Потом вышел Александр Михайлович и повел Надю на улицу.

– Подождем. Обещали выпустить.

Ему словно физически трудно было находиться внутри. Они стали под деревом, где зудели комары. Александр Михайлович зловеще молчал, и Надя не решалась спросить, что случилось. Вдруг кто-то позвал с казенными нотками:

– Александр Михайлович!

На крыльцо выскочил молодой милиционер и подошел к Александру Михайловичу, кося глазами на Надю.

– А... кто вам этот человек? – спросил он доверительно.

Александр Михайлович принял надменный вид, отмечая фамильярность со стороны милиции.

– Зять, – бросил он сухо.

Милиционер покачал головой.

– Послушайте, – сказал он. – Вы... ей-богу... поосторожней с ним. На него ничего нет формально... но это не тот человек, с которым вы... в общем, не ваш.

– Хорошо, хорошо, – проскрежетал Александр Михайлович сквозь зубы, давая понять, что не собирается обсуждать семейные проблемы.

Милиционер внимательно, как при обыске, изучил Надю, удивленную столь явным участием после привычного пренебрежения от Аллиных воздыхателей. Прошло несколько минут, и из двери вылетел, как пробка из бутылки, расхристанный, красный как рак Руслан. На ходу он застегивал рубашку, черные глаза злобно блестели.

– С-суки, – прошипел он и сплюнул на асфальт.

Надя отметила, что Александра Михайловича покорила эта выходка, но он сдержался. Еще ей не понравилось, что Руслан не поблагодарил и ничего не объяснил, хотя ситуация была вопиющей, – словно не было ничего естественнее, как вызволять новобрачного из отделения милиции. По дороге молчали – Руслан время от времени поправлял зачесанные назад сальные волосы или одергивал рукава костюма. Надя утешалась мыслью, что, нарушь Руслан законы, его бы не выпустили так просто.

Гостям объяснили, что возникла заминка в общежитии – как будто Руслан ждал коменданта, который ушел с ключом, и нельзя было забрать чемодан. Надя не представляла, кто сочинил такую затейливую легенду, но собрание весело подхватило выдумку – ее обыгрывали на все лады, когда произносили тосты. Алла, окутанная белой фатой, счастливо светилась, гости веселились, и Надя, наблюдая радостные лица, решила, что это анекдотичный эпизод, его надо выбросить из памяти и тем более пренебречь словами милиционера, который судит о людях через призму предубеждений своего ремесла, – и вообще, кому верить в такой ситуации, постороннему человеку или родному зятю? Она была уверена, что Александр Михайлович и Юлия Андреевна придерживаются того же мнения. Тем более что за ужином Руслан вел себя образцово, обозначал себя как фон для ослепительной невесты и совершенно не пил.

На другой день он поселился у них. Надя с его воцарением в квартире не нашла каких-нибудь ощутимых перемен, потому что у Александра Михайловича вечно присутствовал кто-либо из молодых людей – иногда очередной привечаемый обитал вместе с ними, так что нахождение Руслана мало что меняло. Только теперь Надя жила в комнате с Марией Ефимовной, переехав из их бывшей с Аллой детской, а ту переделали в спальню для молодых супругов.

Несколько недель витало опасение после скверного эпизода, и Надя невольно гадала: вдруг на Руслана все же придет бумага из милиции. Говорили, что задержание не обходится без официальных писем, так положено. Но случившееся не имело продолжения, бумаг не приходило, и Надя успокоилась. Даже сочувствовала Руслану из-за несправедливого приключения.

Жизнь потянулась спокойно и мирно. Руслан вел себя, как положено обыкновенному человеку: вежливо, спокойно, помогал по дому и участвовал в общих делах, но неловкость оставалась. Надя замечала, что Юлия Андреевна и Александр Михайлович не привыкают к зятю, он вызывает отторжение, и им приходится превозмогать себя. Иногда это было до того явно, что вызывало у Нади чувство стыда, и она решила выразить участие. В один из дней они оказались дома вдвоем – Александр Михайлович и Юлия Андреевна были на работе, Алла в институте, Мария Ефимовна уехала в гости на Кутузовский проспект, к подруге юности Фаине Павловне, а у Руслана был академический день.

Он, прихлебывая, пил чай в кухне, вытягивая красные губы. Надя села за стол. Она не знала, как обозначить симпатию, о чем заговорить, но обнаружила, что растрепанные волосы легли ему на ухо, и вспомнила про встречу с Гришей накануне свадьбы.

– У тебя прядь выбилась, – проговорила она. – Сейчас... – И, достав расческу, она подошла и стала причесывать зятя. Она не поняла, как получилось, что оказалась в Руслановых руках, и он куда-то понес ее. Сначала она не испугалась, решив, что шутка, но, когда он бросил

ее на кровать в ее комнате, она поняла, что все серьезно, и ее охватил ужас. Ее руки оказались с силой прижаты к телу. Она вспомнила, что можно кусаться, но пришло такое отвращение, что она не заставила себя прикоснуться ртом к отвратительному телу. Она кричала, брыкалась, было больно и жутко, и не верилось в происходящее, в глубине души ей казалось, что это сон и вот-вот он кончится. Но все кончилось, когда он встал, побагровевший от натуги, вытерся и процедил:

– Сболтнешь – убью.

И, выходя в коридор, бросил через плечо:

– Предупреждать надо было, что целка.

Первым Надиным побуждением было открыть окно и выброситься на улицу, остановила только жалость к себе, но она была ошеломлена и понимала, что промедление временно. Жить она не станет – жить нельзя. Было неопишимо совестно, и Надя уже думала о себе в прошедшем времени, словно о погибшей. Как было хорошо, были мама, и папа, и бабушка, и сестра Алла... но ничего не осталось, у нее нет дома, в нем обитает омерзительное существо, и случившееся так страшно и позорно, что нельзя рассказать. И главное, она сама виновата, ее не заставляли подходить с расческой – лишенный Гришиного стажа детской дружбы, Руслан истолковал ее поступок как заигрывания, и это следовало предвидеть.

Два дня она пыталась приноровиться, проглотить происшедшее – пряталась в комнате, не попадаясь на глаза домашним, но на третий день стало невмоготу. Пришла безумная идея – уехать в другой город, но гирей висела институтская учеба, и знакомых в других городах у нее не было. Тогда она вспомнила про несчастного Колю, неловкие предложения помощи, и он почудился ей соломинкой, за которую хватается утопающий. Она позвонила и предупредила, что приедет.

Коля жил в районе Новослободской. Его родители десять лет назад погибли в автокатастрофе, а воспитавший его дед умер в прошлом году. Он был не один: оказалось, по его квартире передвигается сонм непонятных личностей: тощий молодой человек с алкоголическими глазами, неопрятная женщина без возраста, а в дверь Надя вошла с грубо накрашенной девушкой, которая молча подобрала объемный баул, закинула за спину и удалилась. Этим людям безотказный Коля помогал, ориентируясь на кумира – Родиона Константиновича. Но Наде незнакомцы не мешали.

– Что с тобой? – поразился Коля, заглянув ей в лицо. – Что-нибудь случилось... с Аллой?

Надя едва не разрыдалась, но перетерпела и выговорила через силу:

– Ты говорил обращаться... Помнишь, ты был не против, чтобы заявление подать? Фиктивно. Я не могу дома, только не спрашивай ничего.

– Пожалуйста, если надо, – сказал Коля, испугавшись ее трагического вида.

Вечером Надя не вернулась домой, она позвонила и сказала Юлии Андреевне, что выходит замуж. Через два дня они с Колей подали заявление в загс.

2. Николай

Когда они регистрировались, ее пугала до обморока мысль, что Коля примет их союз серьезно, и всю дорогу обратно повторяла:

– Это не взаправду, я тебе не жена, хорошо?

Допущение, что она полноценно станет чьей-нибудь женой, приводило ее в ужас.

Она сразу обнаружила, что Колина квартира не тихая гавань, как представлялось со стороны, а экзотический и внушающий опасения проходной двор, через который протекали люди, просившие Колю о помощи. После утверждения в квартире молодой жены ничего не изменилось, Надя чувствовала себя не хозяйкой, а таким же бесправным гостем, как остальные. Даже более бесправным, чем они, потому что гости в бесцеремонности мнили себя дома. Хозяйкой казалась странная женщина, которую все называли по фамилии: Заваруева – а Надя не называла никак, потому что боялась ее как огня. Заваруева возненавидела Надю мгновенно и, стоило Коле отвернуться, обязательно делала мелкую пакость. Надя приписала ее к легиону, располагавшему Колиной квартирой как ночлежкой, но выяснилось, что у нее свое обиталище, и вечером она исчезает, а появляется утром. В ее интерес Надя не вникла. Заваруева готовила Коле примитивные супы, варила картошку и сосиски, а за блюда, требующие кулинарной изощренности, не бралась. Пользуясь, что ее неофициальную должность экономки не оспаривали, Заваруева следила, чтобы Наде не перепало ни кусочка. В первый же день она, заметив, что новоиспеченная невеста приближается к холодильнику, презрительно поджала губы и прошипела:

– Совести нет – жрать на халяву.

Надя испугалась и старалась не появляться в кухне. Везение выпадало утром, с Колей, когда он уходил на работу, и то в виде мелочи – бутерброда или печенья. Вечером номер не проходил, потому что Коля перекусывал на ходу, и в кухне толклись колоритные личности, которых Заваруева не ограничивала. Вечерами Надя пряталась в комнатке, которую выделил Коля, но ночью иногда просыпалась от постороннего храпа – это значило, что кто-нибудь из гостей явочным порядком нарушил ее пространство и заснул в кресле или на полу.

Домой она не звонила. Ей казалось, что прошлое умерло, а вспоминать было больно, поэтому она гнала мысли о родных. Через несколько дней после ухода, когда стало ясно, что это надолго, приехала Юлия Андреевна с огромной сумкой и привезла ее вещи. Долго сидела в кресле и пыталась поймать взгляд, пока Надя ежилась и корчилась напротив. Потом, вздохнув, проговорила:

– Что-то невесело выглядишь. Эх...

Надя не отвечала, и Юлия Андреевна покачала головой. О чем-то она подавленно разговаривала с Колей, потом ушла. Александр Михайлович не звонил. У него не было с дочерьми доверительных отношений, контакты он отдал на откуп Юлии Андреевне и не проявлялся, да и разговора бы не получилось.

Скоро Надя столкнулась с денежной проблемой – раньше на карманные расходы деньги выделяла Юлия Андреевна, а сейчас источник иссяк. Стипендия ей не полагалась, так как она поступила с посредственными отметками. В кошельке оставалось пять рублей, они таяли с каждым днем, а Надя откладывала решительные шаги, хотя было понятно, что заработать нигде. Она слышала, что мальчишки разгружают вагоны на станции, – даже Гриша рассказывал из студенческого прошлого, кто-то зарабатывал за лето в стройотряде, но наступила осень, и вариант не подходил. Она перестала ходить с девчонками в столовую, подбирала мелочь у киосков «Союзпечати», но в день удавались копейки десять, а еще требовались посторонние траты. На потоке случилось несчастье с однокурсницей – ее муж погиб, упав с дельтапланом, –

и подруги собирали по рублю в пользу вдовы. Когда к Наде подошла староста, Надя покраснела и сказала, что у нее нет денег.

– Как не стыдно, – сказала староста. – Такое горе... Что, трудно одолжить у кого-нибудь?

И, раздуваясь от чувства превосходства, она снисходительно предложила:

– Хочешь, я одолжу?

– Не хочу, – ответила Надя.

Рубль она не сдала, отправилась в деканат и забрала документы.

Теперь следовало искать работу. Надя не знала, где ее ищут, и было стыдно, что у нее нет специальности и она ничего не умеет. Недалеко от Колиного дома находилось предприятие без вывески, Надя уныло прочитала объявление у неприметной двери, но поняла, что не сможет работать ни токарем, ни фрезеровщиком, и даже чертежником не сможет, потому что изучала черчение в школе не слишком успешно. Внутри Надя зайти побоялась.

Вечером она объявила Коле перемену статуса, не объясняя причин, и попросила телефонную книгу. Ей подумалось, что обзванивать возможных работодателей по телефону не так неловко. Книгу Коля не нашел и обещал одолжить на кафедре, а на следующий день позвонила Натэлла Юрьевна.

– Девочка, что такое, – проговорила она звенящим, возмущенным голосом. – Что за новости? Я поговорю с твоим мужем – это не муж, а горе горькое. Думаешь, он тебе позволит что хочешь? Так не делают.

И Натэлла Юрьевна объяснила, что пренебрегать друзьями и близкими семьи – значит, наносить им незаслуженное оскорбление, и если Надя не способна на высшее образование – хотя бы примитивное, – ее прямая обязанность обратиться к друзьям, и они найдут правильную работу, чтобы она, случайно оказавшись в неподходящей среде, не спилась и не опустилась окончательно. Подразумевалось, что эта дорога без вмешательства Натэллы Юрьевны неизбежна.

– Я поговорю с Капитолиной Георгиевной, – пообещала Натэлла Юрьевна. – Она тебя устроит, сама не ходи.

Повесив трубку, Надя чуть не расплакалась от нахлынувшего чувства. Представилось, что, может быть, не все потеряно, – но уныние вернулось с новой силой, когда через два дня Натэлла Юрьевна сообщила, что «хорошая работа» Наде обеспечена: ей предстояло трудиться в поликлинической регистратуре, выписывать талоны, заполнять формуляры и разносить карточки. Про зарплату Надя не спрашивала, но ее предупредили, что будет восемьдесят рублей, как две стипендии, – Надя до этого не подозревала про такие мизерные зарплаты. Она уверилась, что позитивного в жизни не будет, раз близкие люди, еще по большому благу, устроили ее на грошовую и неинтересную должность. А в том, что ее определяла волосатая лапа, она убедилась, когда услышала за спиной негромкие переговоры санитарок:

– При этой... новенькой... не особо. Рот на замок.

– По знакомству, что ли?

– По самую задницу. От Капки.

– Э-э-э-э...

После она замечала косые взгляды и что при ней разговоры прекращаются, но ей и не хотелось общаться, так что она не огорчалась, скорее наоборот.

Оказалось, деньги сразу не даются, существуют понятия «аванс» и «получка», о которых Надя не догадывалась. Приходилось ждать еще, и она смирилась, решив, что доживет – хорошо, а если нет – куда деваться... Она заметила, что тяжело подниматься по лестнице, что иногда кружится голова, но воспринимала симптомы с покорностью судьбе. Один раз она услышала, как сетовала медсестра:

– Господи, дожили. Дети вчера за кусок курицы подрались...

Надя так свыклась с голодом, что не удивилась, но ее ободрило, что кругом аналогичное несчастье. Она только вяло подумала, что кусок курицы стоит драки.

Она не допускала экскурсий в продуктовый магазин, чтобы не мучиться предвкушением. Не было уверенности, что она дотянет до полочки, и не стоило изводить себя напрасными надеждами.

Наступил день торжества. Сжимая сумку с честно заработанными двадцатью тремя рублями, Надя гордо ступила на территорию запретной зоны, не сразу осознав, как изменились знакомые места. В магазине было по-сиротски пусто, отсутствовали люди и товары. Надя испугалась, что от недоедания сошла с ума. Вдоль задней стенки магазина тянулись, сверкая стеклом и металлом, чистые витринные прилавки. В торце пустовали ряды деревянных лотков для хлеба. Ни одной консервной банки, ни «Завтрака туриста», ни «Килек в томате», которые Юлия Андреевна выбрасывала из продуктовых заказов в ведро, пеняя советской пищевой промышленности на несъедобную субстанцию. Позади прилавка скучала полная продавщица в испачканном халате, и вид у нее был не торговый, без тонирующего куража – скорее горестный.

– Простите... – несмело обратилась Надя и осеклась. Продавщица распустила скрещенные на груди руки, обернулась на зов, уперлась глазами в Надю – не так, как смотрели продавцы на надоевших покупателей, а устало, обреченно, и Надя поняла, что это не сон и не сумасшествие. Она вышла из магазина и побрела по улице, думая, что точно погибнет. В третьем по счету магазине обнаружилась горка неопрятной грязно-розовой массы, на которой лежал ценник: щупальца кальмара. Настроение взмыло до восторга, Надя несла домой вожденную добычу, предвкушая резиновый вкус, и жалела, что нет хлеба, но это было ничего – есть еда, а без хлеба можно обойтись.

– Чем питаешься? – спросил ее вечером Виталя, Колин приятель, который захаживал в гости, – глядя, как она давится нечищеным морепродуктом.

– Щупальца, – ответила Надя лаконично. – Кальмара.

– Ну-ну. Тоже выход...

– Хлеба нет, – пожаловалась Надя.

Заваруева, ревниво наблюдая за кастрюлей, скривилась и процедила:

– Ишь ты! Как барыня живет. За хлебом-то в пять утра вставать нужно...

Проблема питания решилась, и Надя погрузилась в сомнамбулическое существование, из которого не выводили внешние раздражители. Она все делала машинально: уходила на работу, разносила карточки, путала больных и кабинеты – но знала, что ее не уволят, потому что с низших ступеней иерархической лестницы не выгоняют, а нарекания переносила равнодушно. Она считала, что семья полностью ушла в прошлое, не звонила, а когда звонили ей, избегала разговора или не подходила к телефону, а Заваруева, которая усвоила тенденцию, старательно изолировала Надю, сообщая, что ее нет дома или что она не может говорить. Только раз она, повесив трубку, насупилась, подошла боком и нехотя буркнула:

– Это... позвони своим. У тебя бабушка умерла...

Надя вздрогнула, но не позвонила. Она проплакала всю ночь, осознавая, что не увидит Марию Ефимовну и что разрыв, обратимый теоретически, становится необратимым. На другой день она встала, отправилась на работу и не вспоминала о бабушке. Ей казалось физически невозможным поговорить, узнать что-нибудь, прийти на похороны в обиталище Руслана – и бабушке это было уже не нужно. Мама, папа, Алла – исчезли из ее представления о реальности, текла иная жизнь, и в ней не было места старым персонажам.

Месяца через три явилась другая весть из дома. Коля, придя вечером, выглядел мрачным и встревоженным, косился на Надю странно, а потом, отозвав в сторону, сказал:

– Не хотел говорить... Юлия Андреевна не звонила?

– Нет, – отозвалась Надя безразлично. – А что стряслось?

– Стряслось, да. Александр Михайлович пропал.

– Как пропал? – не поняла Надя. В ее старом мире люди не пропадали, а обычаи нового она досконально не изучила.

– Пропал, неделю нет. Всю кафедру на уши подняли, институт. Юлия Андреевна заявление написала в милицию. Никто ничего не знает, – и он виновато развел руками.

Надя выслушала и сочла, что опять бессильна помочь и не стоит вмешиваться. Не верилось, что люди пропадают в никуда, – конечно, он найдется. Мало ли куда заносит. Хотя Александр Михайлович отличался аккуратностью, его звонки из контрольных точек происходили с пунктуальной точностью, но Надя выучила по себе, что бывают обстоятельства непреодолимой силы. Такая же непреодолимая сила мешала ей бежать сломя голову к маме, помогать и поддерживать, и она не ощущала сил для поддержки. Скорее ее вмешательство грозило Юлии Андреевне добавлением трудностей – и Надя, на минуту отвлекшись, впала в привычное оцепенение.

Друзей на новом месте обитания не было, мимолетные Колины гости ее не замечали, и, когда они сталкивались в коридоре или в кухне, на их лицах читалось удивление. Даже общие знакомые не жаловали Надю, считая Колину женитьбу огромной глупостью. Иногда заходил Гриша, но Надя встречала его рыбьим хладнокровием, и он не обращался к ней, даже не говорил ни слова. Только двое уделяли ей внимание и иногда разговаривали, как с живым человеком. Один был Стас, молодой спокойный парень, некрасивый, с виноватым выражением лица, который периодически обитал у Коли по нескольку дней, когда надоедало общежитие. Несмотря на постоянно извиняющийся вид, он был уравновешен, правилен, и обращался к Наде, как к главной: может, помыть посуду? чего-нибудь принести? Второй был маленький подвижный Виталя, который напоминал Наде змею. Обычно он приходил, садился на подоконник, крутил игрушку – глазастого уродца, состоящего из деревянных шариков на резинках, – и пристально наблюдал за Надей, словно видел занимательное действие, а Надю отталкивал его взгляд, потому что в нем был вкрадчивый, ласковый, но чисто мужской интерес. Иногда он о чем-нибудь спрашивал, иногда давал советы, но все таким интимным тоном, что Надю передергивало.

– Что ты на меня смотришь? – ежилась она и вздрагивала, как от холода.

– Ничего, – отвечал он мягко. – Просто.

– Я мужу пожалуюсь, – грозила она.

Виталя легкомысленно отмахивался.

– Брось, какой он тебе муж.

– Нет, – твердила Надя упрямо. – Муж, муж.

– Ну да, на бумаге.

– Откуда ты знаешь?

Виталя усмехался.

– Велика премудрость. За дурака-то меня не держи.

Когда он произносил «просто», голос ясно говорил, даже декларировал, что это не просто, а с определенным умыслом. Но лишнего Виталя не позволял, ограничиваясь изучением, и, сталкиваясь с Надей в коридоре, демонстративно отстранялся, негромко смеясь, – как издевался.

К работе Надя приспособилась, ей даже нравилось наблюдать людей, которые мучаются, болеют и у которых что-то не в порядке. Чем сильнее были страдания поликлинических посетителей, тем ей было приятнее – оттого что плохо не только ей, а еще кому-то. Иногда заглядывала в карточки и, если натыкалась на тяжелую или смертельную болезнь, внутренне согревалась. Когда в автобусе и метро попадались хмурые или огорченные лица, тоже была довольна. Повеселела она и утром, перед началом рабочего дня, когда перепуганная санитарка бросила ей в вестибюле:

– Слышала, Горбачева сняли?

Мысль, что Горбачеву будет плохо, как ей, Надю потешила. Весь день поликлиника не отрывалась от маленького телевизора, и Надя бегала в свободную минуту смотреть новости, но, к ее разочарованию, не происходило жестоких событий, а музыка Чайковского и чарующая плавность балета были слишком благодны. Но потом показали странную пресс-конференцию странных людей, и Надя, увидев, что этим людям плохо – может быть, хуже, чем Горбачеву, – развеселилась.

У подъезда ей встретился местный алкаш, который растолковывал приунывшим пенсионерам политическую ситуацию:

– Не-ет, эти не удержатся! Надо ж поднести народу с радости, обмыть новую власть, без того никак...

Надя поднялась в квартиру, открыла дверь – никого не было, даже Заваруевой. Надя открыла консервы из сайры, сжевала без аппетита, вытерла банку хлебом и сидела в одиночестве, глядя одним глазом в телевизор. Часов в девять пришли Коля, Стас, еще несколько знакомых – сделали бутерброды и забрали столовые ножи.

– Мы к Белому дому, – сказал Коля. – Пойдешь?

Надя покачала головой.

– Надо оружие. Какое у нас есть?

– Пошли вниз, в подвал, – серьезно сказал Стас. – Арматуру возьмем.

Они ушли. Надя смотрела в окно на темную улицу. Около одиннадцати раздался стук в дверь.

– Открой, это я! – сказали с лестницы, и Надя узнала Виталин голос.

– Не открою! – сказала она. – Нет никого! Все ушли!

Виталин постучал громче.

– Открой, Надя! Ты что – меня боишься? Не сходи с ума!

Надя подумала, что выглядит глупо, и открыла.

– Никого нет, – повторила она. – Все у Белого дома, иди туда.

– Еще чего, – сказал Виталин. – С какой стати? Дай лучше чаю.

Они пошли в кухню. Надя заваривала чай, а Виталин рассматривал ее, как обычно. Потом предложил:

– Хочешь – пойдем посмотрим?

– Куда? – проговорила Надя устало. – Зачем?

– Там танки по Ленинградке идут...

Она налила чай и поднесла Виталину на вытянутых руках. Он отхлебнул и усмехнулся.

– Что ж ты так боишься? – спросил он, глядя ей в глаза. – Кто тебя обидел? Впрочем, понятно, что я спрашиваю...

Надя вздрогнула.

– Ты о чем? – сказала она. – Кто наговорил?

– И наговаривать не надо, крайне просто. Раз из дома ушла – значит, кто-то из мужчин домашних. Там у тебя отец и зять. Отец вряд ли...

Надя задыхнулась от возмущения на чудовищное подозрение и перебила его:

– Ты что!.. Мой отец!.. Такой человек!..

Виталин покачал головой.

– Не в том дело, какой человек. Просто отцы так долго дочерей не ждут, в детстве приходят. Значит, разгадка простая – зять. Только зря ты.

– Чего – зря? – глухо спросила Надя, опустив голову.

– В себе замыкаешься, в горе. В лучшем возрасте себя лишаешь радости жизни. Из-за какого-то козла. Он стоит?

– Я не лишаю, – нахмурилась Надя.

– Да посмотри на себя. Ты инвалид. Всего боишься. Я пришел – свернулась, как еж, иголки выставила. Давай потренируемся: я за руку возьму, а ты скажешь «нет», и я отпущу?

Надя неприязненно отодвинулась в угол.

– Не хочу! – сказала она надрывно. – Уйди!

Но он взял ее за руку, а она отдернула и завопила: «Нет!» Он довольно захохотал.

– Видишь, получается! – он шутливо поднял руки вверх: – Все, все, не трогаю! Сдаюсь!

– Перестань... – проговорила Надя с мукой.

– Не перестану. Считай, я доктор. Ну – кричи «нет!».

– Нет, – пробормотала она покорно в ответ на прикосновение, и он снова отдернул руку.

– Отлично выходит. Не страшно же?

– Господи, – пробормотала Надя. – Тебе что – делать нечего?

– Я показываю наглядно, что нормальным людям говоришь «нет» – и они слушаются.

Играем, играем...

Он поиграл минут десять, и Надя немного привыкла к его сухой руке и не дичилась. Потом Виталя посмотрел на часы.

– Пойду, пора, – сказал он. – Еще стрелять на улицах начнут. Комендантский час объявили – цирк.

– Боишься? – спросила Надя. Она первый раз за много времени задала кому-то личный вопрос.

– Боюсь, конечно. У нас любой маразм сотворят, никто не удивится.

Он встал, потянулся и сказал:

– Давай еще упражнение напоследок, а?

– Нет! – повторила Надя как заведенная.

– Ох, утомила. Переключайся на другую пластинку. Я фокус покажу – хорошо заснешь...

Надя смотрела в его лукавые глаза и не верила ни одному слову, а когда он провел ладонью по воздуху поперек ее шеи, испугалась.

– Что ты хочешь?

– Провожу границу. Смотри – ниже этого уровня не касаюсь. Договорились?

– О чем?

Он положил ей ладонь на макушку и повторил:

– Договорились?

Наде хотелось тряхнуть головой, но она раздумала и подчинилась, а Виталя массировал ее голову нежными касаниями, спускаясь на лоб, к затылку и за уши. Надя насторожилась, но через минуту почувствовала облегчение, которого давно не испытывала.

– Ну, вот, – сказал он, снимая руки с ее головы. – Теперь я говорю «нет». Хватит, пора мне...

Он подмигнул на прощание и ушел, а Надя обнаружила приятность – приятнее, чем от сознания, что кто-нибудь болеет смертельным недугом. И на другой день, когда из каждого кабинета доносилось «Эхо Москвы», а врачи обсуждали, что будут расстреливать, как в тридцать седьмом, Наде не слишком хотелось, чтобы расстреливали, она заметила, что нейтрально смотрит на мир. Вечером она застала в квартире человек двадцать, половина были незнакомые – и усталые, невыспавшиеся, все сидели за столом и уничтожали за обе щеки припасы, как саранча. Заваруева отсутствовала, и Надя, не желая вторгаться в спянное застолье, побежала в магазин. Когда она собиралась купить для себя булку, то нашла, что просит две булки вместо одной. Удивившись, она поняла, что подсознательно предположила визит Витали, как вчера, и что она охотно угостит его чаем. Когда все ушли к Белому дому, она ходила по квартире, смотрела в окно и прислушивалась к новостям – не стряслось ли в городе чего-нибудь катастрофического, что помешает Витале прийти. Она не сознавалась, что ждет его.

Он пришел, когда началась программа «Время», и насмешливо спросил:

– Опять полная мобилизация? Революционеры, не к ночи будь помянуто. У нас тоже подорвались, как сумасшедшие...

– Как добрался? – спросила Надя. Она отвыкла от изысканных бесед, и на ум приходили только простые вопросы. – А комендантский час?

Она знала, что толпы народа ходили по улицам, не обращая внимания ни на комендантский час, ни на бронетехнику.

– Так отменили. Ельцин отменил...

Они пили чай, и Надя смотрела в его невнятное лицо пристально, с беспокойным недоумением, которое не оглашала, так как чувствовала понимание без слов. Он действительно понимал, потому что отворачивался, дул на ацетатный вымпел «Ударник коммунистического труда», а потом печально вздохнул и сказал:

– Что ты меня изучаешь, Надюша? Пойми, у меня нет ответа на твой вопрос.

– Какой вопрос? – очнулась Надя.

– Который тебя волнует. Я не отвечу, не знаю. В моих силах – чтобы ты радовалась жизни, а сложности – не для меня, прости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.